

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 82.091

И.Ф. Гнусова

«ИЗНЕМОГШИЙ В БОЮ РУССКИЙ ВИТЯЗЬ»: ОБРАЗ СВЯЩЕННОСЛУЖИТЕЛЯ В РОМАНЕ-ХРОНИКЕ Н.С. ЛЕСКОВА «СОБОРЯНЕ» В КОНТЕКСТЕ ТРАДИЦИЙ АНГЛИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ («СЦЕНЫ ИЗ КЛЕРИКАЛЬНОЙ ЖИЗНИ» ДЖОРДЖ ЭЛИОТ)

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, грант № 14-34-01240.

Значимость вопроса об английской традиции в романе-хронике Н.С. Лескова «Соборяне» определяется фигурой главного героя: в рядовом провинциальном священнике писатель видит главного защитника тех идеалов, на которых основана жизнь русского человека и государства. Схожую концепцию священника-воина Лесков мог обнаружить в цикле повестей Джордж Элиот «Сцены из клерикальной жизни». Знакомство Лескова с творчеством английской писательницы подтверждают его статьи и письма.

Ключевые слова: Н.С. Лесков; Дж. Элиот; традиция; образ; мотив; священнослужитель.

Роман-хроника Н.С. Лескова «Соборяне» (1872), центральное произведение в творчестве писателя, неоднократно привлекал к себе внимание исследователей¹. Но наиболее значительный интерес «Соборяне», как и все творчество Лескова, вызывают в последние два десятилетия: появились работы, посвященные традициям древнерусской литературы в этом произведении (Н.В. Лукьянчиковой, Г.А. Шкута, Е.В. Яхненко), реализации темы праведничества в романе (Г.А. Косых, И.С. Снегиревой), жанровому своеобразие «Соборян» (И.В. Долининой, О.В. Угдыжековой) [9–15]. Вместе с тем чрезвычайно мало исследована проблема английской литературной традиции в романе-хронике Лескова – в частности, вопрос о схожей концепции героя-священнослужителя в «Соборянах» и цикле повестей Джордж Элиот «Сцены из клерикальной жизни» (1857).

Об особом подходе английской писательницы к изображению жизни духовенства было заявлено еще до публикации «Сцен»: в письме к издателю Дж.Г. Льюис, литературный критик и гражданский муж Элиот, указывал, что жизнь священнослужителей будет описываться в повестях «исключительно в ее человеческом, а не догматическом аспекте, – предмет, которого доселе не было в нашей литературе, потому что мы в избытке имели религиозные повести полемические и доктринальные, но после “Викария” и Мисс Остен у нас не было произведений, в которых духовенство изображалось бы как любой другой класс, с причудами, огорчениями и бедами, как у всех прочих людей»².

Эту концепцию Элиот реализует уже в первой из повестей цикла – «Печальная судьба преподобного Амоса Бартона» («Thesad for tunes of the Reverend Amos Barton»), представляя читателю совершенно невзрачного сельского священника, недалекого, нечуткого и к тому же несколько переоценивающего свои способности. «Но вспомните, – указывает автор далее, – какое большинство ваших соотечественников влито в эту незначительную и невзрачную форму. <...> Они просто люди обыкновенные на вид, более

или менее сбивающиеся в речах, нередко дающие промахи. И тем не менее многие из этих незначущих людей всею силой души своей стремятся к добру, совестливо исполняют свой долг, испытывали и радость и горе: жизнь коснулась и их» [17. С. 468–469].

Идейный пафос романа-хроники Лескова, во многом совпадал с потребностью Джордж Элиот «возбудить симпатию к будничным заботам, вызвать слезы... описанием настоящего горя» [Там же. С. 483]. Первые редакции «Соборян» под заголовками «Чающие движения воды» и «Божедомы» свидетельствуют, что Лесков стремился создать полноценное эпическое полотно, изобразить «многовековую историю города с ее религиозными распрями» [18. С. 599] (показателен подзаголовок одной из рукописей: «Божедомы: Повесть лет временных»). В «Соборянах» же на первый план выходят человеческие судьбы и характеры: «Люди, жите-бытье которых составит предмет этого рассказа, суть жители старгородской соборной поповки» (11, 7)³. Такое начало романа-хроники сразу расставляет авторские акценты: цель Лескова – показать именно «жите-бытье», незамысловатую и бедную событиями жизнь провинциального священнослужителя, которая в конце «Соборян» будет с горечью названа протопопом Туберозовым «сонной дремой» (11, 244).

В одну из наиболее концептуальных частей романа-хроники – «Демикотонову книгу протопоп Туберозова», представляющую собой его дневниковые записи, Лесков включает страстную речь героя, которая также переключается с замыслом «Сцен из клерикальной жизни». В ней протопоп риторически обращается к «сочинителю басен, баллад, повестей и романов» с вопросом: «Ведомо ли тебе, какую жизнь ведет русский поп, сей “ненужный человек”?.. Известно ли тебе, что мизерная жизнь сего попа не скудна, но весьма обильна бедствиями и приключениями, или не думаешь ли ты, что его кутейному сердцу недоступны благородные страсти и что оно не ощущает страданий? Или же ты с своей авторской высоты

вовсе и не хочешь удостоить меня, попа, своим вниманием?» (11, 52–53). Столь острая постановка вопроса отражала реальное положение дел: в «светской» русской литературе до Лескова «жизнь-бытье», а главное – внутренний мир простого священнослужителя, еще ни разу не становились темой масштабного художественного произведения.

Наличие определенных идейно-эстетических перекличек и сам интерес Лескова к художественному изображению жизни духовенства позволяют предполагать, что писатель мог быть знаком с повестями Элиот, которые в переводе на русский язык были по отдельности опубликованы в журналах «Современник» и «Русский вестник» в 1860 г. Прямых указаний на факт чтения «Сцен из клерикальной жизни» в статьях и письмах Лескова не обнаруживается, хотя неоднократное упоминание имени Джордж Элиот свидетельствует о знакомстве писателя с ее творчеством. Так, в статье «Русские общественные заметки» 1869 г. он доказывает мысль о том, что «наша литература не беднее, а может быть, богаче некоторых других литератур», приводя следующие примеры: «Если у англичан есть Диккенс, обширные дарования которого нам трудно подсортировать с дарованиями наших писателей, то это и будет один Диккенс, да и то не Бог весть насколько он выше тех, кого имеет на челе своем наша литература. А что касается до других, то все эти Кавана, Коллинз и Элиот и другие, по справедливости говоря, не внушают нам никакой зависти» (8, 222). Тем не менее в 1893 г. в письме к М.О. Меньшикову Лесков рекомендует публицисту поработать над одним из его образов, обратившись к творчеству английской писательницы: «...“Девственные” натуры тоже не таковы. Надо бы брать св. Цецилию, или Дж. Элиот...» [20. Т. 11. С. 556].

Кроме того, активно занимаясь публицистической работой, Лесков был знаком с содержанием всех ведущих общественно-политических журналов и вряд ли мог пройти мимо публикации «Сцен из клерикальной жизни». Знакомство с повестями может быть косвенно подтверждено, например, тем, что в своей статье «Русские женщины и эмансипация» Лесков ссылается на работу Джона Стюарта Милля «Об эмансипации женщин» (1, 332), опубликованную в «Современнике» в 1860 г. – приложением к выпуску этого года как раз печаталась повесть «Исповедь Джэнет» из цикла Элиот.

Примечательно, что в последние годы четко обозначился интерес к проблеме английских традиций в творчестве Лескова. Об этом свидетельствует исследование М.А. Першиной о проблеме интертекстуальных связей произведений Лескова с сочинениями английских писателей, в частности, Шекспира и Диккенса [21]; диссертация И.В. Овчинниковой о стернианских «отражениях» в романе-хронике «Соборяне» [22]; статья В.А. Бячковой с типологическим сравнением «Соборян» и романа Э. Треллопа «Барчестерские башни» [23] и работа И.Н. Минеевой об «англофильстве» Лескова и русско-британских культурных взаимоотношениях в повести «Левша»⁴ [24]. Однако проблема «Лесков и Элиот» до сих пор не становилась предметом внимания в литературоведении.

На наш взгляд, значимость вопроса об английской традиции в «Соборянах» определяется, прежде всего, фигурой главного героя романа-хроники. И дело не только в том, что Лесков первым из русских писателей ставит в центр эпического полотна образ священнослужителя, – новаторство его в том, что именно такой герой для Лескова становится средоточием духовного начала и героического потенциала в русском пореформенном обществе. В рядовом провинциальном священнике писатель видит главного защитника тех идеалов, на которых основана жизнь русского человека и Российского государства. Именно поэтому с ключевыми образами «Соборян», и прежде всего Савелия Туберозова, тесно связан проходящий через все повествование мотив борьбы.

Схожую концепцию Лесков легко мог обнаружить в «Сценах из клерикальной жизни» Джордж Элиот: многочисленные тяготы жизни простых священнослужителей изображаются писательницей наравне с искренним рвением героев усовершенствовать дела Церкви, улучшить жизнь своих прихожан, внушить им высокие нравственные истины. Непонимание и нелюбовь со стороны паствы, сложные отношения с церковным руководством, личные трудности указывают на то, что Элиот также осуществляет последовательную героизацию обычного провинциального пастора, делая его борцом за высшие идеалы.

Хотя прямых подтверждений знакомства Лескова со «Сценами из клерикальной жизни» нет, представляется, что тема борьбы, которая наиболее очевидна в первой и третьей повестях цикла, могла оказать влияние на формирование концепции священника-воина, воплощенной писателем в «Соборянах». Это подтверждает сравнительно-типологический анализ произведений: и в «Сценах» Элиот, и в романе-хронике Лескова герои-священнослужители вынуждены противостоять враждебным обстоятельствам и ценою постоянных лишений и тяжелых потерь биться за спасение всего, что им дорого: семьи и близких, веры и идеалов, собственной души и в конечном счете – Отчизны.

Мотив борьбы с вражескими силами проходит через все жизнеописание главного героя «Соборян» Савелия Туберозова. Хронологически с этой задачи начинается и его служба в Старгороде, о чем свидетельствует вторая запись в «Демикотоновой книге»: в конце 1832 г. молодой священник «получил назначение в Старгород, где нарочито силен раскол» с указанием «противодействовать оному всячески» (11, 29). Однако на месте Туберозов обнаруживает, что бороться с инакомыслием невозможно в силу того, что рядовое провинциальное духовенство изнемогает от другого врага – «крайней бедности», отчего, «по человеческой слабости, не противодейственно подкупам и даже само немало потворствует расколу, как и другие прочие сберегатели православия, приемля даяния раскольников» (11, 29).

От материальной нужды, о чем свидетельствует дневник протопопа, страдает не только его «полугодный причт», но и сам Туберозов. «Следовало бы как ни на есть поизряднее примундириться, потому что люди у нас руки целуют, а примундириться еще

пока ровно не на что», – сетует он в записи от 1833 г., но только в 1836 г. решается поправить дело: «Взял в долг у предводительской экономки два шелковые платья предводительшины и послал их в город окрасить в масака цвет, как у губернского протоиерея, и сошью себе рясу шелковую. Невозможно без этой аккуратности, потому что становлюсь повсюду вхож в дворянские дома, а унижать себя не намерен» (11, 32).

Страшная бедность, отягощенная необходимостью достойно выглядеть перед прихожанами, – это первое, на чем акцентирует внимание и Джордж Элиот, представляя читателю героя своей первой повести – младшего приходского священника Амоса Бартона: «Представьте себе человека с женой и шестью детьми, представьте себе, что он обязан для поддержания достоинства своего сана не иначе показываться вне своего дома, как в приличной черной одежде... дайте ему приход... настолько бедный, чтобы нуждался в частых духовных утешениях, в виде шиллингов и пенсов; и в заключение представьте себе, что собственная и чужая гордость ставят его в необходимость одевать прилично жену и детей... Каким образом можно восемьдесят фунтов разделить таким образом, чтобы процент покрывал еженедельные расходы этого человека?» [17. С. 437–438]. Неслучайно в этой связи и имя героя: «Амос» с древнееврейского – «ноша» либо «несущий ношу, обремененный, отягощенный» [26].

Однако, как показывает автор далее, денежный вопрос занимает ум Бартона наравне с другим – о том же противодействии расколу (диссидентству), что было актуально и для англиканской Церкви. В отличие от Савелия Туберозова, герой повести Элиот не обладает способностью трезво оценить свои силы, потому его пылкие мечты, рвение и вера в победу выглядят нелепо: он «собирался в самом скором времени открыть свою библиотеку для чтения, для которой он достал несколько книг, и книг убийственных для диссентеров. <...> Диссентеры, думал он, не устоят против его обдуманного, решительного образа действий, они увидят, что бороться им с ним будет невозможно. Мистер Бартон находил, что мудрость змия отличительная черта его характера» [17. С. 446]. Элиот, правда, быстро смягчает свою иронию, замечая далее, что Амосу Бартону достался «тяжелый округ для священника... который... серьезно смотрел на свои обязанности... здесь к сельской тупости земледельцев присоединился дикий разврат рудокопов и резкий радикальный и диссидентский дух ткачей» [Там же. С. 452].

Увлеченность и искреннее радование за свое дело присутствуют и в характере протоиерея Туберозова. «Пишу мою записку о быте духовенства с радостью такую и с любовью такую, что и сказать не умею, – признается герой в дневнике. – Озаглавил ее так: „О положении православного духовенства и о средствах, как оно возвысится для пользы церкви и государства“. <...> Никогда еще не помню себя столь счастливым и торжествующим...» (11, 52). Однако записка, поданная владыке, останется без ответа. Двадцать два года спустя протоиерей увлечется новым проектом: «Какая огромная радость! Ксендзы по Литве учредили общества трезвости: они

проповедуют против пьянства, и пьянство престаёт, и народ остепеняется...», вслед за чем решает «интригой учредить у себя общество трезвости» (11, 60). Ответ на этот раз последует: священнику велено «не злоумышлять» ни о чем подобном.

Фактически с самого начала «битвы» за улучшение жизни своего причта и прихожан герой «Соборян» оказывается вовлечен в другую многолетнюю борьбу – с церковными и светскими властями, не терпящими никакой инициативы снизу, а уж тем более вольнодумных предложений об «изъятии... духовенства из-под тяжелой зависимости» (11, 29), т.е., по сути, – о необходимости реформирования внутрицерковных отношений. Рвение Туберозова вызывает недовольство и местных властей: его отчитывает губернатор, «здешнее городничество не благоволит» (11, 49) к нему. Донос протоиерея на ссыльных поляков, глумившихся над церковными обрядами, вызывает осуждение в местном обществе; его попытки остановить богохульство разночинца Препотенского в уездном училище также не приводят к желаемому результату. Герой и сам признает свое поражение в этих «войнах»: «Воевал ты с расколом – не сладил; воевал с поляками – не сладил, теперь ладь с этою дуростью...» (11, 65).

Ту же безрезультатность отмечает и Элиот в «военных действиях» шепертонского священника: с энтузиазмом бросаясь в бой и пытаясь одержать победу над врагами веры, Амос последовательно наживает себе новых врагов: «...голова его вечно была полна планами, которые, подобно его шахматным маневрам, были бы хороши – при другом положении игры. Например, его глубоко обдуманная план завести антидиссидентские книги в библиотеке для чтения не нанес, казалось, ни малейшего удара расколу, а только сильно вооружил против него диссентеров» [17. С. 472]. Как и Савелий Туберозов, Амос Бартон вызывает недовольство и церковного начальства, проявляя чрезмерную инициативу в улучшении жизни Церкви: «Его вечные намеки на то, что нужно было бы предпринять в церкви, его неистощимое воображение на этот счет смущали церковных попечителей и влиятельных прихожан и вселяли в их души недоверие к нему» [Там же].

Это положение бедного священника отягощается еще и снисходительным отношением к нему большинства прихожан: простым селянам Бартон кажется «человеком вовсе не порядочным», «ума не дальнего», не способным даже как следует прочитать проповедь: «бьется, словно овца, которая упала и не может встать на ноги» [17. С. 441–442]. Нелюбовь паствы к своему пастырю опять же дополнительно акцентирует имя героя: Амос – один из ветхозаветных пророков, который, как указывает А. Жюмо, «так же терпел пренебрежение со стороны своих современников и в итоге был изгнан» [27. С. 19].

Однако герои Элиот и Лескова знают, что ведут бой за правое дело: главной целью каждого из них является защита истинной веры, а точнее – возможности проповедовать о том, что без веры нет жизни. Эта страстная, почти воинственная убежденность сближа-

ет Туберозова с героем другой повести из цикла Элиот – «Исповедь Джэнет» («Janet's repentance», точный перевод – «Раскаяние Джэнет»). Это молодой евангелический проповедник Эдгар Триан, который приезжает в фабричный городок Мильби и сразу составляет резкий контраст со старым пастором местной англиканской церкви: мистер Крю, как описывает Элиот, целиком был «поглощен самыми мелочными интересами» [28. С. 14] и читал проповеди так, что слушатели «едва ли понимали одну фразу из того, что он говорит» [Там же. С. 12]. Энтузиазм Триана вызывает недовольство жителей, и под руководством местного адвоката – хитрого, жестокого и властолюбивого Роберта Демпстера – составляется огромная партия анти-трианитов, которые стремятся помешать новому священнику читать воскресные проповеди в церкви.

Тема борьбы в «Исповеди Джэнет» проходит через большую часть повествования; первые же строки повести свидетельствуют о накале страстей в этом противостоянии: «Нет! – сказал адвокат Демпстер громким, резким ораторским тоном... – Пока Творец мой не лишил меня способности говорить и мыслить, я буду употреблять все законные средства, чтобы противиться водворению в этом приходе безнравственного учения...» [Там же. С. 3]. И в первой «схватке» Демпстер оказывается победителем: он добивается у местных церковных властей запрета воскресных проповедей.

Ответное негодование Триана показывает, что им движет вовсе не самолюбие, а искреннее стремление наставить на путь истинный жителей «угрюмого городка», где «общественная нравственность... не стояла чрезмерно высоко» [Там же. С. 13] и где немногие жители могли обойтись «без обильного запаса возбуждающих средств» [Там же. С. 11]. «Мистер Прендергаст погрешил в этом случае против своей совести, – горько замечает Триан, рассказывая о решении приходского ректора. – Он так же хорошо понимает, как и я, что, оставляя дела прихода в прежнем положении, он губит души своих прихожан» [Там же. С. 33]. Позже евангелический проповедник прямо утверждает, что считает служение в Мильби своей миссией: «Бог послал меня сюда, и, по Его благословию, я не отступлю ни перед чем, что ожидает меня при исполнении Его предначертаний посреди народа» [Там же. С. 62].

Та же вера в свое посредничество между Богом и людьми и желание живым словом доносить высшую истину до сердца каждого человека есть и у Савелия Туберозова. Получив очередной выговор от церковных чиновников за свою импровизированную проповедь, протопоп возмущенно записывает в дневнике: «Прости, Вседержитель, мою гордыню, но я не могу с холодностью бесстрашной совершать дело проповеди. Я ощущаю порой нечто на меня сходящее, когда любимый дар мой ищет действия; мною тогда овладевает некое, позволю себе сказать, священное беспокойство; душа трепещет и горит, и слово падает из уст, как уголь горящий» (11, 40). Эту же мысль Туберозов повторяет и в конце романа, когда перед смертью отказывается давать прощение церковным чиновникам за то, что они «букву мертвую блюдя... Божие живое дело губят» (11, 255).

По сути, протопоп с самого начала является таким же «протестантом» в глазах официальной Церкви, как и Триан, утверждающий в Мильби непривычные для официальной англиканской Церкви идеалы неравнодушного и практического служения своей пастве, проявляющий живое сочувствие к каждому из прихожан. «Протестантизм» Туберозова подтверждается и прямой отсылкой Лескова к образу протопопа Аввакума, жизнеописание которого писатель включает в размышления героя в рукописи «Божедомы. Повесть лет временных»⁵. Косвенно о судьбе еретика говорит и имя, выбранное автором для главного героя: как пишет А. Ранчин, «это имя носил известный еретик Савеллий, основатель ереси – савеллианства (III век)» [29. С. 600].

Но наиболее явно на «протестантизм» протопопа указывает одна из финальных сцен романа, когда Савелий Туберозов призывает развращенного петербургскими «передовыми» идеями Ахиллу помолиться рядом с домом, вне храма – «в торжественной тишине полуночи, на белом, освещенном луною пустом огороде». При этом важно, что «проповедник и кающийся молились вместе» (11, 252). Эта сцена очень близка тому, как показывает религиозное обращение в своих произведениях Джордж Элиот. Так, в ее первом романе «Адам Бид» (1859, в том же году опубликовано два русских перевода) молодая методистка Дина Моррис произносит проповедь перед сельскими жителями на лугу, стоя на телеге, а в конце молится вместе со своей сестрой, детоубийцей Хетти, в тюремной камере. Сцена совместной молитвы грешника и проповедника вне церковных стен есть и в «Исповеди Джэнет», когда Триан принимает покаяние главной героини повести Джэнет Демпстер и возвращает ей утерянную веру: «Молитесь со мною, – сказала Джэнет. – Молитесь, чтобы Он послал мне достаточно света и сил» [28. С. 117].

Эта ключевая сцена «Исповеди Джэнет» существенно дополняет и углубляет и образ евангелического проповедника: в ответ на признания героини Триан сам исповедуется ей, рассказывая о том, как пришел к решению стать священнослужителем. Причина заключалась в страшном моральном потрясении, которое герой испытал в молодости, увидев страшный финал судьбы погубленной им девушки Люси. Последующие месяцы Триан проводит в мучительных поисках средства, которое сделало бы его «существование сколько-нибудь сносным» [Там же. С. 115]. По сути, эти поиски также были борьбой героя: Триан признается, что ум его в то время «был мрачен, мятежен, находился во вражде с самим собою и с Богом» [Там же. С. 115]. Эта внутренняя «битва» за собственную душу, за осмысленное существование завершается победой героя: он обретает цель и смысл жизни: «Я не мог уже спасти Люси; но, при помощи Божией, я мог бы удержать от падения другие слабые, колеблющиеся души. Для этой-то цели я и вступил в духовное звание» [Там же. С. 116].

Процесс разочарования и мучительной борьбы за осмысленность жизни проходит и протопоп Туберозов: его «Демикотоновая книга» свидетельствует о

том, что десятилетние попытки что-то изменить в церковном устройстве и жизни прихожан сменяются унынием и равнодушием героя. Записи с 1841 по 1860 г. пестрят упоминаниями о «скуке», указывают на желание Туберозова развлечься при помощи пустых и не всегда пристойных занятий: «Купил у жиды... органчик и игорные шашки» (11, 54), «взял в клетку чижа и начал учить его петь под орган» (11, 54), «полюбил преферансовую игру и начал со скуки курить» (11, 57). Казалось бы, протопоп вовсе отказывается от начатой им борьбы: «Сам не воюю, никого не беспокою и себе никакого беспокойства не вижу... Против рожна прати более не охота» (11, 57).

Однако по прошествии двадцати лет «сытого и привольного жития» (11, 57) герой восстает против собственного равнодушия и вновь осознает необходимость действовать. К этому его подвигает дьякон Ахилла, который инкогнито участвует в состязании с приезжим силачом и побеждает его. Театральная битва заставляет Туберозова прозреть: «Ах, в чем проходит жизнь! Ах, в чем уже и прошла она! <...> Мечтал некогда обиженный, что с достоинством провести могу жизнь мою, уже хотя не за деланием во внешности, а за самоусовершенствованием собственным; но не философ я, а гражданин; мало мне сего: нужусь я, скорблю и страдаю без деятельности» (11, 62–63). Окончание записей в дневнике протопоба совпадает с его решением начать новую борьбу, которая станет одновременно и битвой героя за себя, за возможность жить в соответствии с собственными идеалами и для исполнения высокой цели: «Чтоб, усовершенствовав себя в земной юдоли, увидеть невечерний свет и возвратить с процентами врученный мне от Господа талант»⁶ (11, 73).

Главной заботой протопоба Туберозова, как и раньше, являются не запреты и ограничения церковных властей сами по себе, а искренняя боль за потерю веры в русском народе. Потому-то еще в самом начале своего служения священник с неосознанной симпатией присматривался к раскольникам, придя к неутешительному выводу: «...Раскольники блюдут свое заблуждение, а мы своим правым путем небрежем; а сие, мню, яко важнейшее» (11, 31). В конце романа-хроники негодование героя достигает апогея: он жалуется жене на «общее равнодушие к распространяющемуся повсеместно в России убеждению, что развитому человеку “стыдно веровать”», представляет ей «свои опасения за упадок нравов и потерю доброго идеала» (11, 181). Возмущение, когда-то изливавшееся на страницах дневника, теперь переходит у Туберозова в страстное желание действия – «неприменно побить» (11, 166) всех врагов веры.

Эта борьба за веру, по сути, является для протопоба битвой за Отчизну. «Без идеала, без веры, без почтения к деяниям предков великих... Это... это сгубит Россию» (11, 165), – признается герой в самых сокровенных опасениях. Такая высокая цель делает Савелия истинным воином, исполняющим свой долг – защищать Родину. Неслучайно в речи героя в этой части романа-хроники появляется специфическая военная лексика: он говорит себе о необходимости «присягу выполнить» (11, 183); призывает «не по-

бивши кума, не пить мировой» (11, 166). Даже в словах Туберозова «для нас, духовных, нет защитников» после отправления под надзор можно увидеть двойной смысл: единственными защитниками правды, веры и Отечества в мире лесковского романа-хроники являются сами священнослужители. Даже название произведения – «Соборяне» – приобретает в контексте борьбы Туберозова и активно помогающего ему казака-дьякона Ахиллы⁷ значение не только собирательного наименования «старгородской поповки», но и воинства, армии, ратной силы, противостоящей многочисленным врагам.

Дополнительную актуализацию метафоры «Савелий-воин» и «соборяне-воинство» получают в одной из ключевых сцен романа-хроники – грозы, заставшей протопоба на опушке леса возле «гремучего ручья». Протопоб вспоминает легенду о чудесном происхождении этого ключа: здесь «пал изнемогший в бою русский витязь, а его одного отовсюду облегла несметная сила неверных» (11, 202). Витязь взмолился об избавлении и был обращен Спасителем в родник, рядом с которым с тех пор «всегдашнее таинственное присутствие Ратая веры» (11, 202). Чудесное спасение переживает здесь и Туберозов: одна молния рядом с ним бьет в ручей, а вторая под корень срезает огромный дуб. Это символическое превращение Савелия в «ратая веры» знаменует конец его сомнений и решимость принять последний и главный бой: в ту же ночь он пишет программу проповеди, осознанно готовясь к ней как к вехе, которая положит конец его жизни и начало «житию».

Прямое включение текста проповеди в роман, по сути, также является английской традицией, идущей еще от романа О. Голдсмита «Векфильдский священник», который был упомянут в письме Льюиса как «Викарий» и с которым обнаруживается немало перекличек в «Соборянах»⁸. Неоднократно этот прием используется и в творчестве Джордж Элиот. В «Сцене», впрочем, включена лишь частная проповедь: это речь Эдгара Триана, обращенная к кающейся Джэнет, – однако она целиком приведена автором в форме прямой речи героя.

Лесков также не включает в текст ни одного прямого описания проповедей Туберозова в храме – две цитируются им самим в дневнике, а третья дана в виде черновых заметок героя. «Интимизация» этой финальной проповеди, впоследствии воспринятой горожанами как «революция» (11, 209), усиливается сопровождающими ее описанием деталями: «старик» (без обозначения сана) сидит «один в своем зальце», а перед ним лежит «маленький, пополам перегнувшийся листок» (11, 207). Словно нарочно уменьшенный масштаб сцены перекликается с давним желанием протопоба читать проповедь как «живую речь, направляемую от души к душе» (11, 40), является метафорической попыткой священника войти в дома и сердца своих прихожан.

Если служба, к которой готовится протопоб, воспринимается им как последний бой с «неверными», то проповедь (т.е. слово) является орудием героя. Речь Туберозова включает упоминание обо всех ключевых

для него ценностях: он радуется о возрождении истинной веры в душах людей: «Нам надлежит желать и молиться, дабы сердце Царево не было ни в каких руках человеческих, а в руках Божиих», – и о спасении Родины, попутно обличая всех, кто обязан выполнять этот священный долг: «...Да соблюдется до века Русь... <...> Не положи ее, творче и содетелю! в посмеяние народам чужим, ради лукавства слуг ее злосовестливых и недоброслужащих» (11, 208–209).

Несмотря на то что проповедь Триана в повести Элиот носит иной, более интимный характер, связанный с проблемой индивидуального греха, искупления и воскресения, ее ключевая идея прямо перекликается с главной мыслью речи Туберозова. Триан также внушает Джэнет мысль о спасении путем покорения высшей воле: «...Лишь только мы сознаем свою беспомощность и приходим к Христу, желая освободиться от власти греха и от кары, нас ожидающей, мы уже не остаемся с одними лишь нашими силами». Напротив, нет спасения, «пока мы живем в забвении Бога, воображая, что для нас должна существовать одна наша воля» [28. С. 116]. «Безмерное наше умствование, поработавшее разум. Ученость, отвергающая возможность постижения доселе постижимого» (11, 207), – на это сетует и главный герой «Соборян».

Савелий Туберозов не надеялся на победу в этой «битве словом» – на это указывает его намерение «закончить» ею «все свое служение церкви» (11, 209). С этой точки зрения он фактически приносит себя в жертву, добровольно принимая то, что «жизнь уже кончена» (11, 210), и отправляясь в ссылку, готовый в то же время пойти дальше – «в темницу... на крест: во гроб» (11, 239). Эта жертвенность, готовность исполнять свой долг ценою телесных страданий и смерти присутствует и в образе Триана: он буквально изнуряет себя проповеднической работой, прекрасно сознавая, что приближает смерть от чахотки. Готовность героя пострадать за веру наиболее ярко проявляется в сцене, когда он с единомышленниками идет по улицам к церкви, чтобы произнести свою первую воскресную проповедь, – идет, несмотря на знание того, что заговор анти-трианитов принял «угрожающие размеры» и бесстрашие трианитов чревато увечьями: «Посреди... града прозвищ и непристойных каламбуров, с аккомпанементом... криков, воплей, возгласов и свиста... мистер Триан шествовал, бледный и неподвижный» [28. С. 70].

Как и Туберозов, Триан не способен отнестись к врагам с равнодушным презрением: «в душе он сильно страдал» [Там же]. Метафора битвы дополняется здесь указанием автора на то, что единственным оружием священника было «сознание собственной правоты», однако, как пишет Элиот, «это оружие было столь же бессильно против насмешливых взглядов и оскорбительных слов, как и против камней и дубинок» [Там же].

Этот эпизод, один из ключевых в повести, завершается неожиданной отсылкой в будущее: Элиот указывает на скорое повторение сцены проводов Триана в церковь: «...снова собралась толпа народа, чтобы видеть, как он вступит в церковные ворота» [Там

же], – однако это будут уже похороны евангелического пастора. Такое же явное предначертание скорой смерти Туберозова содержится и в эпизоде его отъезда под надзором в губернский город после кульминационной проповеди. Особенно очевидны переклички двух текстов в описании сочувственного отношения народа к судьбе протопопа: «через полчаса это знал весь город, и к дому Туберозова собрались люди» (11, 210). Протопоп ритуально прощается с народом: «снял шляпу, поклонился ниже пояса на все стороны. Гомон затих: у многих навернулись слезы, и все стали креститься» (11, 210). Эти же акценты (прощальный ритуал, слезы, горе народа) сопровождают и описание похорон Савелия: «Вот весь город сопровождает тело Туберозова в церковь. Обедня и отпевание благодаря Ахилле производили ужасное впечатление; дьякон, что ни начнет говорить, захлебывается, останавливается и заливается слезами. Рыдания его, разносясь в толпе, сообщают всем глубочайшую горечь» (11, 260).

Смерть как неотъемлемая часть любой войны является следствием, а часто и разрешением всех «битв» священнослужителей в «Соборянах» Лескова и «Сценах из клерикальной жизни» Элиот. В «Исповеди Джэнет» первым пал (причем буквально – выпав из двужолки) главный враг Триана адвокат Демпстер. Смерть самого священника случается позже, и к этому времени он уже одерживает решительную победу над анти-трианитами, во многом благодаря переходу на его сторону жены Демпстера Джэнет. Похороны Триана являются и его своеобразным торжеством: «сердце каждого из присутствовавших было полно воспоминаний о человеке, который в течение жизни, отмеченной самоотвержением, и в минуту страдальческой смерти был поддерживаем верой, которая придает форму живительное дыхание и смысл» [28. С. 165].

Гораздо трагичнее описание похорон в последних главах «Амоса Бартона»: итогом борьбы героя с тяжелыми жизненными обстоятельствами становится смерть его жены и новорожденного ребенка. Эта потеря, однако, оборачивается и неожиданным приобретением: прихожане меняют свое отношение к священнику и начинают сообща помогать ему: «На кладбище стояло много мужчин и женщин, которые недавно еще издевались над своим пастором... но теперь, когда они увидели его за гробом, бледного и расстроенного, великое горе его снова возвысило его в общем мнении, и они смотрели на него с почтительным сочувствием» [17. С. 493]. Однако Бартона ждет еще один удар: власти переводят его из Шеппертона, где у него появилось множество друзей и почтительные прихожане, в отдаленный фабричный город. Впрочем, Элиот все же смягчает финал повести: она показывает героя в старости, поддерживаемого рукой любящей дочери, и рассказывает о счастливых судьбах его детей.

В финале «Соборян» Лесков соединяет оба эти варианта разрешения борьбы героев – трагический и оптимистический, вызывающий чувство светлой печали. Трагедией становится для Туберозова смерть любимой жены Наташи, драматично изображает писатель кончину самого мятежного протопопа. Но Лесков, подобно Элиот, не обрывает свою хронику на

трагической ноте: он описывает последние дни и смерть Ахиллы Десницына и в конце упоминает о кончине третьего из «старгородской поповки», Захарии Бенефактова. Подобно Туберозову, Ахилла знаменует конец своей жизни подвигом: ловит запугавшего весь город «черта». Но величественная битва на кладбище заканчивается нелепостью: «чертом» оказывается голодный и одичавший мещанин Данилка. Однако принцип параллелизма сцен используется Лесковым и здесь: перед смертью Ахилла принимает последнюю, более великую битву: в бреду он борется с «огнелицом», который исследователями интерпретируется и как дьявол, и как сам Бог, – и побеждает его.

Совсем не трагична и смерть Захарии, тихо уснувшего во время службы в день Светлого Воскресения: она знаменует собой не поражение, а надежду. Симптоматично, что именно этот кроткий священник заставляет протопопа Туберозова умереть со словами если не прощения, то просьбы о нем: «...Прости слепому и развращенному роду его жестокосердие» (11, 255). Впрочем, само упоминание о «жестокосердии» – знак того, что и на краю могилы Савелий Туберозов не завершает своей великой битвы, и его упорное желание смиряться во время исповеди («Ту скорбь я к Престолу... Владыки царей... положу» (11, 255)) – символический призыв «павшего русского витязя» к продолжению священной войны.

Мотив войны священнослужителей за веру и Отечество, таким образом, является сквозным в «Соборьях» и накладывает отпечаток на авторскую интер-

претацию образов романа-хроники. Протопоп Туберозов представлен здесь как истинный русский воин, который ценой жизни пытается сокрушить главных врагов государства – неверие общества и косность церковных чиновников, а в конечном счете – всеобщее «бесстрастное равнодушие к добру и злу» (11, 207), к высшим идеалам. Исход этой многолетней битвы трагичен, однако одновременно дает и надежду на то, что жизнь павшего «ратая веры» станет источником возрождения общества и Церкви.

Схожую концепцию образа священнослужителя Лесков мог увидеть в «Сценах из клерикальной жизни» Джордж Элиот. Английская писательница точно так же призывает к сочувствию к судьбе простого пастора, показывает обыденный героизм священников и драматичность их жизни. Мотив войны с бытом, с собственными грехами и, наконец, с реальными противниками веры легко обнаруживается в повестях, посвященных судьбе Амоса Бартона и Эдгара Триана.

Представляется, что опыт Элиот мог оказаться полезным для Лескова при формировании его концепции священника-воина, аналогов которой до тех пор не было в русской литературе. Типологическое сравнение «Соборьян» со «Сценами из клерикальной жизни» дает представление о существовании схожих социокультурных особенностей в жизни духовенства России и Англии и об общей проблематике, занимавшей в этот период двух писателей-современников, оказавших существенное влияние на национальную и европейскую литературу.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Среди наиболее значимых следует отметить работы Л.А. Аннинского, И.П. Видуэцкой, Г.Б. Курляндской, О.Е. Майоровой и В.Е. Хализева, Е.А. Макаровой, И.В. Столяровой, В.Ю. Троицкого [1–8].

² Цит. по: [16. С. 269].

³ Здесь и далее ссылки на полное собрание сочинений Н.С. Лескова [19] даются в круглых скобках с указанием тома и страницы.

⁴ В этот перечень необходимо включить и нашу работу: [25].

⁵ См.: (7, 475–479).

⁶ Эта идея Лескова глубоко родственна ключевой мысли всего творчества Джордж Элиот – о том, что каждый человек обязан реализовать себя, исполнить собственное предназначение. Лучший роман Элиот «Мидлмарч» (1871–1872) целиком будет посвящен тому, как герои стремятся к реализации своих высоких целей и как обыденная жизнь противостоит этому.

⁷ В связи с обширностью темы мы сознательно не анализируем в настоящей работе образ Ахиллы Десницына, который, несомненно, также выступает в «Соборьях» воином за веру, о чем свидетельствуют и его происхождение, и многочисленная атрибутика, и поступки. Частично проблематика, связанная с образом Ахиллы как богатыря, анализируется в диссертации И.С. Снегиревой, которая рассматривает дьякона как героический тип праведника (см.: [13. С. 108–124]).

⁸ Особенно много отсылок в тексте «Соборьян» можно обнаружить к идиллическому описанию жизни векфильдского священника в начале романа О. Голдсмита: «Мы гуляли по окрестностям или находили себе занятие дома, навещали богатых соседей, помогали бедным; ни о каких переменах не помышляли, тягостных забот не ведали, и все наши приключения совершались подле камина, а путешествия ограничивались переселением из летних спален в зимние, и из зимних – в летние» [30. С. 26]. То, что Лесков был знаком с «Векфильдским священником», подтверждает наличие в его личной библиотеке русского издания романа Голдсмита 1846 г. (см.: [31. С. 259]), а также упоминания «Векфильдского священника» в творчестве Лескова: например, в повести «Детские годы» молодой герой «с величайшим удовольствием» читает этот роман Голдсмита, подаренный ему «предметом его любви» [20. Т. 5. С. 307].

ЛИТЕРАТУРА

1. Аннинский Л.А. «Русский космос» Николая Лескова // Лесков Н.С. Собрание сочинений : в 6 т. Т. 7. М., 1993. С. 5–74.
2. Видуэцкая И.П. Николай Семенович Лесков. М., 1979.
3. Курляндская Г.Б. Проблема человека в «Соборьях» Н.С. Лескова // Курляндская Г.Б. Литературная срединная Россия. Орел, 1996. С. 98–117.
4. Майорова О.Е., Хализев В.Е. Лесковская концепция праведничества // В мире Лескова. М., 1983. С. 196–232.
5. Макарова Е.А. Старобрядческая культура в эстетическом сознании Н.С. Лескова : дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1993. 258 с.
6. Столярова И.В. Роман-хроника Лескова // История русского романа : в 2 т. М.; Л., 1964. Т. 2. С. 416–438.
7. Столярова И.В. Лесков и Россия // Лесков Н.С. Полн. собр. соч. : в 30 т. М., 1996. Т. 1. С. 7–100.
8. Троицкий В.Ю. С думой о России // Лесков Н.С. Собр. соч. : в 12 т. М., 1988. Т. 1. С. 3–44.
9. Лукьяничкова Н.В. Трансформация агиографической традиции в произведениях Н.С. Лескова о «праведниках» : дис. ... канд. филол. наук. Ярославль, 2004. 169 с.

10. Шкута Г.А. Фольклорные и древнерусские сюжеты и мотивы в творчестве Н.С. Лескова: мифопоэтический аспект : дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2005. 215 с.
11. Яхненко Е.В. Жанровые традиции древнерусской литературы в творчестве Н.С. Лескова : дис. ... канд. филол. наук. М., 2002. 200 с.
12. Косых Г.А. Праведность и праведники в творчестве Лескова 1870-х годов : дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 1999. 224 с.
13. Снегирева И.С. Типология характеров праведников в романе-хронике Н.С. Лескова 1870-х годов: «Соборяне», «Захудалый род» : дис. ... канд. филол. наук. Орел, 2002. 211 с.
14. Долинина И.В. Н.С. Лесков 1870-х гг.: тип художественного мышления и динамика жанров : дис. ... канд. филол. наук. Иваново, 2001. 216 с.
15. Уддыжекова О.В. Этико-философские основы жанровых поисков Н.С. Лескова 1870-х годов : дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1998. 204 с.
16. *The George Eliot letters*: 9 volumes. New Haven ; London : Yale UP, 1954–1978. Vol. II. 1954. 513 p.
17. Амос Бартон. Повесть Джорджа Эллиота // Русский вестник. 1860. Т. 27. С. 435–498.
18. Видуэцкая И.П. Соборяне. История создания // Лесков Н.С. Полн. собр. соч. : в 30 т. М., 2012. Т. 11.
19. Лесков Н.С. Полн. собр. соч. : в 30 т. М., 1996–2012.
20. Лесков Н.С. Собрание сочинений : в 11 т. М., 1956–1958.
21. Першина М.А. Англоязычная литература как текст-прецедент в произведениях Н.С. Лескова : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Киров, 2013. 24 с.
22. Овчинникова И.В. Стернианские «отражения» и их функции в романе-хронике Н.С. Лескова «Соборяне» : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2013. 19 с.
23. Бячкова В.А. Образ священнослужителей в романах «Барчестерского цикла» Э. Тrolлопа и «Соборянах» Н.С. Лескова // Филология и культура. 2013. № 3 (32). С. 80–84.
24. Аннеева И.Н. Эффект левизны, или Отношения Н.С. Лескова с Англией // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Серия: Общественные и гуманитарные науки. Петрозаводск, 2014. № 7 (144). С. 70–75.
25. Гнусова И.Ф. «Мелочи архиерейской жизни» Н.С. Лескова в контексте английской прозы о жизни священнослужителей (Дж. Элиот и Э. Тrolлоп) // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. Пермь, 2015. № 1. В печати.
26. Английские имена / Европейские имена: значение и происхождение. URL: http://kurufin.ru/html/English_names/english_am-az.html (дата обращения: 15.01.2015).
27. Juteau A. «Scenes of clerical life»: George Eliot's own version of conversion // *The George Eliot Rewiew*. Nuneaton, 2009. P. 15–24.
28. *Исповедь* Джэнет: Роман Джорджа Эллиота // Современник. 1860. Т. 81. Приложение. 166 с.
29. Ранчин А. Примечания // Лесков Н.С. Собрание сочинений : в 6 т. М., 1993. Т. 4. 639 с.
30. Голдсмит О. Векфильдский священник. М., 1959. 231 с.
31. Дмитриухина Л.В., Мазина Е.В. Из истории формирования фонда № 2 «Н.С. Лесков» в коллекции Орловского объединенного государственного литературного музея И.С. Тургенева // Н.С. Лесков в пространстве современной филологической мысли. М. : ИМЛИ РАН, 2010. С. 224–365.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 25 марта 2015 г.

"RUSSIAN KNIGHT, BEATEN OUT IN BATTLE": CHARACTER OF CLERGYMAN IN N.S. LESKOV'S NOVEL-CHRONICLE *THE CATHEDRAL CLERGY* IN THE CONTEXT OF ENGLISH LITERATURE TRADITIONS (GEORGE ELIOT'S SCENES OF CLERICAL LIFE)

Tomsk State University Journal, 2015, 393, 5-13. DOI 10.17223/15617793/393/1

Gnyusova Irina F. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: irbor2004@mail.ru

Keywords: N.S. Leskov; George Eliot; tradition; character; motive; clergyman.

The subject of this paper is the question about a similar conception of the character of a clergyman in N.S. Leskov's novel-chronicle *The Cathedral Clergy* (1872) and George Eliot's cycle of short novels *Scenes of Clerical Life* (1857). Ideological-aesthetic crossings and Leskov's interest in the creative representation of clerical life allow supposing that the writer could know Eliot's short novels, which were separately published in Russian in the journals *Sovremennik* ("The Contemporary") and *Russkiy Vestnik* ("The Russian Herald") in 1860. The mentions of George Eliot's name in Leskov's essays and letters confirm it. The author of the research believes that the importance of the question about the English tradition in *The Cathedral Clergy* is determined, first of all, by the figure of the main character of the novel-chronicle. It is not just that Leskov was the first Russian writer who placed the character of a clergyman in the centre of an epic thing; his innovation was that this particular character became the focus of spirituality and heroic potential in society for Leskov. The writer sees a simple provincial priest as the main guard of the ideals life of Russian people and Russian state is based on. That is exactly why the motive of fighting, which gets through the whole narrative, is closely connected with the key characters of *The Cathedral Clergy*, most of all with the character of Saveliy Tuberozov. Leskov could easily find a similar conception in George Eliot's *Scenes of Clerical Life*: the writer describes numerous hardships of ordinary clergymen's life together with characters' sincere eagerness to improve concerns of the Church and life of their parish, inspire people with high moral values. Incomprehension and dislike from congregation, difficult relations with Church authorities, private troubles indicate that Eliot also successively heroizes a simple provincial priest and makes him a fighter for high ideals. The author of the paper believes that the theme of fighting, which is the most evident in the first and third parts of the cycle, could influence the formation of the conception of a clergyman-fighter, realized in *The Cathedral Clergy*. Comparative-typological analysis of the works confirms it: both in Eliot's *Scenes* and in Leskov's novel-chronicle clergymen have to resist hostile circumstances and at the cost of the permanent asperities and grave losses fight for saving what is valuable for them: family and loved ones, faith and ideals, their souls and, in the end, homeland. The typological comparison of *The Cathedral Clergy* with *Scenes of Clerical Life* indicates a presence of similar sociocultural characteristics in the life of clergy in Russia and the UK and common problems which the two writers-contemporaries, who considerably influenced the national and European literature, took interest in at that period.

REFERENCES

1. Anninskiy L.A. "*Russkiy kosmos*" Nikolaya Leskova ["Russian cosmos" of Nikolai Leskov]. In: Leskov N.S. *Sobranie sochineniy: v 6 t.* [Works: in 6 v.]. Moscow: Ekran Publ., 1993. Vol. 4, pp. 5–74.
2. Viduetskaya I.P. *Nikolay Semenovich Leskov* [Nikolai Semenovich Leskov]. Moscow: Znanie Publ., 1979. 64 p.

3. Kurlyandskaya G.B. *Literaturnaya sredinnaya Rossiya* [Literary median Russia]. Orel, 1996, pp. 98–117.
4. Mayorova O.E., Khalizev V.E. *Leskovskaya kontsepsiya pravednichestva* [Leskov's concept of goodness]. In: Bogdanov V. (ed.) *V mire Leskova* [In the world of Leskov]. Moscow: Sovetskiy pisatel' Publ., 1983, pp. 196–232.
5. Makarova E.A. *Starobryadcheskaya kul'tura v esteticheskom soznanii N.S. Leskova*: dis. kand. filol. nauk [Old Believer culture in the aesthetic consciousness of N.S. Leskov. Philology Cand. Diss.]. Tomsk, 1993. 258 p.
6. Stolyarova I.V. *Roman-khronika Leskova* [Novel-Chronicle by Leskov]. In: *Istoriya russkogo romana: v 2 t.* [History of the Russian novel: in 2 v.]. Moscow; Leningrad: Nauka Publ., 1964. Vol. 2, pp. 416–438.
7. Stolyarova I.V. *Leskov i Rossiya* [Leskov and Russia]. In: Leskov N.S. *Polnoye sobraniye sochineniy: v 30 t.* [Complete Works: in 30 v.]. Moscow: TERRA Publ., 1996. Vol. 1, pp. 7–100.
8. Troitskiy V.Yu. *S dumoy o Rossii* [Thinking about Russia]. In: Leskov N.S. *Sobraniye sochineniy: v 12 t.* [Works: in 12 v.]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura Publ., 1988. Vol. 1, pp. 3–44.
9. Luk'yanchikova N.V. *Transformatsiya agiograficheskoy traditsii v proizvedeniyakh N.S. Leskova o "pravednikakh"*: dis. kand. filol. nauk [The transformation of the hagiographical tradition in the works of N.S. Leskov about the "righteous". Philology Cand. Diss.]. Yaroslavl, 2004. 169 p.
10. Shkuta G.A. *Fol'klornye i drevnerusskie syuzhety i motivy v tvorchestve N.S. Leskova: mifopoeticheskiy aspekt*: dis. kand. filol. nauk [Folklore and ancient Russian themes and motifs in the works of N.S. Leskov: mythopoetical aspect. Philology Cand. Diss.]. Novosibirsk, 2005. 215 p.
11. Yakhnenko E.V. *Zhanrovye traditsii drevnerusskoy literatury v tvorchestve N.S. Leskova*: dis. kand. filol. nauk [Genre traditions of Old Russian literature in the works of N.S. Leskov. Philology Cand. Diss.]. Moscow, 2002. 200 p.
12. Kosykh G.A. *Pravednost' i pravedniki v tvorchestve Leskova 1870-kh godov*: dis. kand. filol. nauk [The righteousness and the righteous in the 1870s works of Leskov. Philology Cand. Diss.]. Volgograd, 1999. 224 p.
13. Snegireva I.S. *Tipologiya kharakterov pravednikov v romane-khronike N.S. Leskova 1870-kh godov: "Soboryane", "Zakhudalyy rod"*: dis. kand. filol. nauk [Typology of the righteous characters in the novel-chronicle of N.S. Leskov in 1870s: The Cathedral Clergy, A Decayed Family. Philology Cand. Diss.]. Orel, 2002. 211 p.
14. Dolinina I.V. *N.S. Leskov 1870-kh gg.: tip khudozhestvennogo myshleniya i dinamika zhanrov*: dis. kand. filol. nauk [N.S. Leskov in the 1870s: type of creative thinking and dynamics of genres. Philology Cand. Diss.]. Ivanovo, 2001. 216 p.
15. Ugdyzhkova O.V. *Etiko-filosofskie osnovy zhanrovyykh poiskov N.S. Leskova 1870-kh godov*: dis. kand. filol. nauk [Philology Cand. Diss.]. Tomsk, 1998. 204 p.
16. *The George Eliot letters: 9 volumes*. New Haven; London: Yale UP, 1954–1978. Vol. II, 513 p.
17. Amos Barton. Poves' Dzhordzha Elliota [A Story by George Elliott]. *Russkiy vestnik*, 1860, vol. 27, pp. 435–498.
18. Viduetskaya I.P. *Soboryane. Istoriya sozdaniya* [The Cathedral Clergy. The history of creation]. In: Leskov N.S. *Polnoye sobraniye sochineniy: v 30 t.* [Complete Works: in 30 v.]. Moscow: TERRA Publ., 2012. Vol. 11.
19. Leskov N.S. *Polnoye sobraniye sochineniy: v 30 t.* [Complete Works: in 30 v.]. Moscow: TERRA Publ., 1996–2012.
20. Leskov N.S. *Sobranie sochineniy: v 11 t.* [Works: in 11 v.]. Moscow, 1956–1958.
21. Pershina M.A. *Angloyazychnaya literatura kak tekst-pretседent v proizvedeniyakh N.S. Leskova*: avtoref. dis. kand. filol. nauk [English-language literature as precedent text in the works of N.S. Leskov. Abstract of Philology Cand. Diss.]. Kirov, 2013. 24 p.
22. Ovchinnikova I.V. *Sternianskie "otrazheniya" i ikh funktsiya v romane-khronike N.S. Leskova "Soboryane"*: avtoref. dis. kand. filol. nauk [Sternian "reflections" and their function in the novel-chronicle by N.S. Leskov, The Cathedral Clergy. Abstract of Philology Cand. Diss.]. Voronezh, 2013. 19 p.
23. Byachkova V.A. *Obraz svyashchennosluzhiteley v romanakh "Barchesterskogo tsikla" E. Trollopa i "Soboryanakh" N.S. Leskova* [The image of the clergy in the Barchester Cycle by E. Trollope and The Cathedral Clergy by N.S. Leskov]. *Filologiya i kul'tura – Philology and Culture*, 2013, no. 3 (32), pp. 80–84.
24. Mineeva I.N. Leftism effect or N.S. Leskov's relationship with Britain. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Obshchestvennye i gumanitarnye nauki – Proceedings of Petrozavodsk State University. Social Sciences & Humanities*, 2014, no. 7 (144), pp. 70–75. (In Russian).
25. Gnyusova I.F. "Melochi arkhierейskoy zhizni" N.S. Leskova v kontekste angliyskoy prozy o zhizni svyashchennosluzhiteley (Dzh. Eliot i E. Trollop) [Trifles of a Bishop's Life by N.S. Leskov in the context of English prose of the life of priests (G. Eliot and A. Trollope)]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya – Perm University Herald. Russian and Foreign Philology*, 2015, no. 1 (in print).
26. *Angliyskie imena* [English names]. In: *Evropeyskie imena: znachenie i proiskhozhdenie* [European names: the meaning and origin]. Available from: http://kurufin.ru/html/English_names/english_am-az.html. (Accessed: 15.01.2015).
27. Jumeau A. "Scenes of clerical life": *George Eliot's own version of conversion*. In: *The George Eliot Review*. Nuneaton, 2009, pp. 15–24.
28. *Ispoved' Dzhenet: Roman Dzhordzha Elliota* [Janet's Confession: A Novel by George Eliot]. *Sovremennik*, 1860, vol. 81, supplement, 166 p.
29. Ranchin A. *Primechaniya* [Notes]. In: Leskov N.S. *Sobranie sochineniy: v 6 t.* [Works: in 6 v.]. Moscow: Ekran Publ., 1993. Vol. 4, 639 p.
30. Goldsmith O. *Vekfil'dskiy svyashchennik* [The Vicar of Wakefield]. Translated from English by T. Litvinova. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoy literatury Publ., 1959. 231 p.
31. Dmitryukhina L.V., Mazina E.V. *Iz istorii formirovaniya fonda № 2 "N.S. Leskov" v kolleksii Orlovskogo ob"edinennogo gosudarstvennogo literaturnogo muzeya I.S. Turgeneva* [From the history of the formation of Fund 2 "N.S. Leskov" in the collection of Orel United State Literary Museum of I.S. Turgenev]. In: Viduetskaya I.P. (ed.) *N.S. Leskov v prostranstve sovremennoy filologicheskoy mysli* [N.S. Leskov in the space of modern philological thought]. Moscow: IMLI RAN Publ., 2010, pp. 224–365.

Received: 25 March 2015